

Грузинская аристократия в политике Российской империи: механизмы и этапы интеграции*

Амиран Урушадзе

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

Georgian Aristocracy in the Politics of the Russian Empire: Mechanisms and Stages of Integration**

Amiran Urushadze

European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia

This article examines the process of integration of the Georgian elite into the social and political space of the Russian Empire in the first half of the nineteenth century. In this case, integration should be understood as confirmation of the class rights of the Georgian nobility. This process lasted for half a century. The first part of the article analyses the efforts of the Russian authorities aimed at finding an optimal format for confirming the class rights of the Georgian elite. The class guarantees of the Georgian aristocracy were recorded in several documents, most notably in the Treaty of Georgievsk in 1783 and the Manifesto to the Georgian People in 1801. In addition, the rights of the noble Georgian class were guaranteed in several official proclamations of the regional Russian administration. However, the “nobilisation” of the Georgian elite encountered several legal obstacles and was delayed. Another problem of the Russian government was the unauthorised issuance of princely and noble letters by Georgian princes, who, after the liquidation of the royal house of Bagration, were resettled to Russian capitals. The government was not immediately successful in stopping this illegal practice. All these difficulties led to the fact that by the

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520.

** *Citation:* Urushadze, A. (2024). Georgian Aristocracy in the Politics of the Russian Empire: Mechanisms and Stages of Integration. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 209–224. DOI 10.15826/qr.2024.1.874.

Цитирование: Urushadze A. Georgian Aristocracy in the Politics of the Russian Empire: Mechanisms and Stages of Integration // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 209–224. DOI 10.15826/qr.2024.1.874 / Урушадзе А. Грузинская аристократия в политике Российской империи: механизмы и этапы интеграции // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 209–224. DOI 10.15826/qr.2024.1.874.

middle of the nineteenth century, most representatives of the Georgian nobility had not received recognition of their class rights at the imperial level. The second part of the article examines the activities of the first Caucasian Viceroy, Mikhail Vorontsov, aimed at completing the process of the “nobilsation” of the Georgian nobility. In 1846, at the proposal of the Viceroy, two special temporary commissions were created in Tiflis and Kutais to examine the class rights of the Georgian nobility. The commissions consisted of representatives of the Georgian nobility and Russian officials. The work of the commissions was completed in 1849, and a year later the lists of Georgian princes and nobles received the approval of Emperor Nicholas I. The Confirmation of rights made the Georgian nobility part of the imperial elite and motivated Georgians to take an active part in empire-building.

Keywords: Russian Empire, Caucasus, Caucasian governor, Georgia, integration

Рассматривается процесс интеграции грузинской элиты в социальное и политическое пространство Российской империи в первой половине XIX в. Под интеграцией понимается подтверждение сословных прав грузинского дворянства. Анализируется растянувшийся на полвека процесс, направленный на поиск оптимального формата подтверждения сословных прав грузинской элиты. Сословные гарантии грузинской аристократии были зафиксированы в нескольких документах – Георгиевском трактате 1783 г. и Манифесте грузинскому народу 1801 г. Кроме того, права благородного грузинского сословия гарантировались в нескольких официальных прокламациях региональной российской администрации. Однако «нобилитация» грузинской элиты встретила ряд юридических препятствий и затянулась. Еще одной проблемой российского правительства стала несанкционированная выдача княжеских и дворянских грамот грузинскими царевичами, которые после ликвидации царского дома Багратионов были переселены в российские столицы. Правительству не сразу удалось остановить эту незаконную практику. Все эти затруднения привели к тому, что к середине XIX в. абсолютное большинство грузинского дворянства так и не получило признания своих сословных прав на общеимперском уровне. Исследуется деятельность первого кавказского наместника Михаила Воронцова, направленная на завершение процесса «нобилитации» грузинского дворянства. В 1846 г. по предложению наместника в Тифлисе и Кутаисе были созданы две специальные временные комиссии по разбору сословных прав грузинского дворянства. Комиссии состояли из представителей грузинского дворянства и российских чиновников. Работа комиссий была завершена в 1849 г., а спустя год списки грузинских князей и дворян получили утверждение императора Николая I. Подтверждение прав сделало грузинских дворян частью имперской элиты и мотивировало грузин принимать активное участие в империостроительстве.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, кавказский наместник, Грузия, интеграция

Записки о николаевской России французского писателя и путешественника Астольфа де Кюстина содержат множество ироничных характеристик о порядках в империи Романовых. Француз изобразил царский двор полным нелепостей, дурновкусия, спеси и плебейства. Но даже на этом фоне выделяется описание некой грузинской царицы, которую де Кюстин встретил при дворе Николая I:

Несчастливая женщина бесславно прозябает при дворе тех, кто отнял у нее корону. Она внушила бы мне глубочайшую жалость, если бы не походила так сильно на восковую фигуру из музея Курция. Лицо у нее обветренное, как у солдата, прошедшего жизнь в походах, а наряд смехотворен. Мы слишком охотно смеемся над несчастьем, когда оно предстает перед нами в уродливом виде; став смешным, несчастье теряет право на сострадание. Слыша о плененной царице Грузии, готовишься увидеть красавицу, видишь же нечто противоположное, а ведь сердце человеческое очень скоро делается несправедливым к тому, что не нравится глазам: в этом угасании жалости мало великодушия, но, признаюсь, я не мог сохранять серьезность, заметив на голове у царицы нечто вроде кивера, украшенного весьма своеобразной вуалью; остальной наряд был выдержан в том же духе, что и головной убор, причем если все придворные дамы явились на бал в платьях со шлейфами, то восточная царица надела платье укороченное и расшитое без всякой меры. Одевание ее было настолько безвкусно, лицо выражало такую смесь скуки и низкопоклонства, черты были настолько безобразны, а манеры настолько неловки, что она вызывала разом и смех, и страх [Кюстин, с. 186].

Речь во фрагменте, вероятно, идет о Нино Георгиевне Багратион-Дадияни, дочери последнего грузинского царя Георгия XII и жене владетельного князя Мегрелии Григола Дадияни (1770–1804). Это была сильная и властная женщина, которая правила Мегрелией после смерти мужа и до совершеннолетия старшего сына Левана V Дадияни (1804–1846). Нино Георгиевна вынуждена была покинуть Мегрелию по политическим и семейным соображениям и была принята при высочайшем дворе. Здесь, как видно из записок де Кюстина, она не смогла полноценно интегрироваться в высший свет, стать своей в кругу петербургской аристократии. Этому мешали как культурная дистанция, так и ее зависимое несамостоятельное положение. В судьбе правительницы Мегрелии отразились сложные и противоречивые обстоятельства интеграции грузинского дворянства в социально-политическое и культурное пространство Российской империи.

Особенностью положения грузинской дворянской корпорации являлась его двойственность. С одной стороны, многочисленный грузинский нобилитет выступал одним из основных партнеров имперской администрации на Кавказе, и грузинское дворянство было политически важной частью региональной элиты. С другой стороны, грузинская знать постепенно превращалась в часть общеимперской элиты. Грузи-

ны успешно интегрировались в командный состав армии и занимали высокие посты в администрации, примерами в этом отношении могут служить Лашкаришвили-Бибилури (Лашкаревы) и Багратионы, среди которых было множество российских генералов, губернаторов и дипломатов. При этом представители двух этих фамилий оказались в России еще до вхождения Восточной Грузии в состав империи Романовых. Потомки имеретинского царя Арчила II (1647–1713) и царя Картли Вахтанга VI (1675–1737) возглавляли грузинскую колонию в Москве. Здесь в 1739 г. родился С. Л. Лашкарев, известный российский дипломат Екатерининской эпохи и отец П. С. Лашкарева (генерала, героя войны 1812 г.), С. С. Лашкарева (тайного советника, члена совета министра иностранных дел), Г. С. Лашкарева (генерала, в разное время возглавлявшего несколько губерний, первоприсутствующего сенатора). Грузинские аристократы, родившиеся в России, входили в имперскую элиту, они стали элементом формировавшегося имперского общества, или империи-нации. Это наглядно продемонстрировал П. Д. Цицианов (Цицишвили), который в 1802–1806 гг. командовал российскими войсками на Кавказе. В своем ответе на дерзкое послание северокавказских горцев Цицианов заявил: «Вы, верно, думаете, что я грузинец, и вы смеете так писать! Я родился в России, там вырос и душу русскую имею» [Гордин, с. 59].

Однако упразднение грузинского царского дома в 1801 г. и переезд его членов в Санкт-Петербург и Москву изменили ситуацию. В российских столицах появились грузинские аристократы, которые не собирались терять связь с соотечественниками на Южном Кавказе и статус представителей царского дома. Багратионы продолжали выдавать грамоты на землю и дворянские/княжеские права, то есть вели себя как законные правители. Для грузинской региональной элиты это было особенно актуально в условиях, когда имперская администрация затянула процесс подтверждения сословных прав. Российскому правительству необходимо было решить двуединую задачу: ограничить влияние Багратионов-эмигрантов и интегрировать грузинских князей и дворян в российскую дворянскую корпорацию.

Процесс подтверждения сословных прав грузинского дворянства по опубликованным источникам был рассмотрен Г. М. Давидяном, который пришел к выводу, что имперская администрация стремилась прежде всего упорядочить социальные отношения и тем самым обеспечить управляемость регионом [Давидян]. Однако мотивы российского правительства были намного сложнее. Правительственные меры по социально-экономической поддержке грузинского дворянства в годы правления Александра III (1881–1894) стали предметом исследования М. А. Волхонского, доказавшего, что успешность действий региональной администрации все больше зависела от степени их соответствия общеимперскому внутривнутриполитическому курсу [Волхонский]. Наконец, распространенной оценкой в историографии является тезис об ускоренной интеграции грузинского дворянства в общероссийскую

элиту в силу конфессиональной близости, общности православной веры [Каменский, с. 122], что не выглядит бесспорным, будучи периферийным мотивом.

Вхождение грузинских земель в состав России и гарантии грузинского дворянства

В 1783 г. между Восточной Грузией (Картли-Кахетией) и Российской империей был заключен Георгиевский трактат. По этому договору Россия обеспечивала военно-политический протекторат, а картли-кахетинский царь Ираклий II обязывался следовать фарватеру российской внешней политики [Пайчадзе; Из истории российско-грузинских отношений]. Девятый артикул этого договора гарантировал грузинским князьям и дворянам все «преимущества и выгоды» российского благородного сословия [Под стягом России, с. 243]. Ираклий II представил списки грузинских князей и дворян, права которых подлежали подтверждению. Всего в них значились 63 княжеские фамилии и 321 дворянская [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 9].

Российская империя не смогла защитить Картли-Кахетию от разорительного нашествия персидского правителя Ага Мохаммед-хана в 1795 г. Преемник Ираклия II царь Георгий XII стал искать возможность для более тесной интеграции Восточной Грузии в империю Романовых. В 1801 г. Александр I принял решение о полном включении Картли-Кахетии в состав своей империи. В Манифесте к грузинскому народу от 12 сентября 1801 г. российский император также гарантировал сохранение прав грузинской дворянской корпорации: «каждый пребудет при преимуществах состояния своего, при свободном отправлении своей веры и при собственности своей неприкосновенно» [ПСЗ-1, т. 26, с. 783].

Лишь незначительная часть грузинских князей и дворян из списка Ираклия II успела получить признание своих прав, и вскоре процесс был приостановлен. Российская бюрократия разглядела проблему в том, что девятый артикул Георгиевского трактата 1783 г. должен был выполняться в соответствии с нормами Жалованной грамоты дворянству 1785 г., но закон, как известно, не может иметь обратной силы. Поэтому нахождение в списке царя Ираклия II не могло являться достаточным основанием для подтверждения прав и состояния. Стала необходима новая процедура юридической фиксации сословных привилегий. К этому имперские власти подталкивала и активность представителей бывшего картли-кахетинского царского дома. Сыновья Ираклия II и Георгия XII охотно выдавали свидетельства о дворянском происхождении и грамоты на земельные наделы. Грузины, получившие такие документы, частным порядком переводили их на русский язык в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, а затем представляли эти бумаги в Герольдию [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 2. Д. 16. Л. 18].

Царевичи Багратионы формировали патрон-клиентские сети, увеличивали число своих сторонников. Эти ресурсы могли быть ис-

пользованы ими в борьбе за восстановление власти грузинского царского дома. Идея реставрации родилась в кругу многочисленных наследников Ираклия II и Георгия XII. В 1820 г. лидерами грузинских роялистов в российских столицах стали двоюродные братья Дмитрий Юлонович (внук Ираклия II и сын царевича Юлона Ираклиевича) и Окропир Георгиевич (внук Ираклия II и сын последнего грузинского царя Георгия XII). Именно они идейно возглавили провалившийся заговор 1832 г., который должен был, по замыслу его участников, завершиться реставрацией царского дома Багратионов [Jones].

Антиправительственные замыслы при этом не препятствовали Дмитрию Юлоновичу и Окропиру Ираклиевичу регулярно обращаться к официальным российским властям с просьбами об увеличении казенного содержания и другой материальной помощи. В 1822 г. Дмитрий Юлонович просил министра внутренних дел В. П. Кочубея назначить ему отдельное содержание¹. Просьба была удовлетворена, Дмитрию Юлоновичу назначили содержание в 3050 руб. в год [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 2. Д. 11. Л. 2–10]. В 1822–1826 гг. Окропир Ираклиевич получал крупные суммы из казны в беспроцентный заем для постройки каменного дома в Москве [Там же. Д. 4. Л. 1–37].

Несмотря на покровительство и поддержку, которые правительство оказывало представителям грузинского царского дома, практика несанкционированной выдачи грамот на дворянство и собственность сильно беспокоила имперские власти. Грузинские царевичи ставили под сомнение суверенитет российской короны, личными пожалованиями производили новое дворянство. При этом такая практика в глазах российской бюрократии была абсолютно незаконной, а выданные царевичами грамоты не могли иметь юридической силы. Указ Правительствующего сената от 4 февраля 1820 г. стал результатом сотрудничества правительства и региональной администрации в деле пресечения неконтролируемого производства грузинского дворянства. В документе фиксировался порядок подачи и рассмотрения дел по признанию княжеского и дворянского статуса [ПСЗ-1, т. 37, с. 45]. Прощения и свидетельства о благородном происхождении необходимо было представлять в Грузинское дворянское депутатское собрание, учрежденное в 1818 г. в Тифлисе. Затем списки дворян и князей отправлялись на утверждение в Верховное грузинское правительство, состоявшее из чиновников российской администрации. Финальным актом было представление главноуправляющим Грузией проверенных и утвержденных списков в Герольдию.

Однако в указе Сената не было прямого запрета на выдачу дворянских грамот грузинскими царевичами, и, вероятно, подобные прецеденты продолжали возникать. В феврале 1821 г. Комитет ми-

¹ Мать Дмитрия Юлоновича Саломея Ревазовна получала на воспитание детей ежегодно проценты от капитала Юлона Ираклиевича, сумма которого достигала 120 тыс. руб.

нистров посвятил отдельное заседание этой проблеме. Глава МВД В. П. Кочубей высказал решительный запрет на выдачу дворянских грамот и свидетельств грузинским царевичам. «Поставлено было в виду и самих членов бывших царских домов отклонять от себя выдачу кому-либо свидетельств на дворянское происхождение и поставить себе за правило – свидетельств таких никому не выдавать», – отмечено в журнале Комитета министров от 21 февраля 1821 г. [РГИА. Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 2. Д. 16. Л. 19–20].

Одновременно с ограничением несанкционированной выдачи дворянских грамот проходил процесс уточнения титулов членов бывших царских домов Картли-Кахетии и Имеретии. Детей царевичей, рожденных в России, было решено именовать, соответственно, князьями Грузинскими и Имеретинскими. Это решение должно было свидетельствовать об интеграции потомков грузинских царских династий в российскую аристократию и символически лишало их статуса наследников политической традиции независимых царств.

Подтверждение прав имеретинского дворянства стало не меньшей проблемой для империи. 25 апреля 1804 г. царь Имеретии Соломон II присягнул на верность императору Александру I и подписал так называемую Элазнаурскую конвенцию. Имеретинский правитель передавал себя и свое царство «в вечное и верное рабство и подданство Российской державе» [Дубровин, с. 252]. В присяжном листе Соломона II были упомянуты только 11 княжеских фамилий, абсолютное большинство благородных имеретинских фамилий не попали в этот документ. Между тем, только упоминание в присяжном листе 1804 г. считалось российской администрацией достаточным основанием для автоматического подтверждения прав и состояний. Остальные представители знатных имеретинских фамилий должны были представить документальные доказательства своего статуса и ожидать решения в установленном порядке. Имеретинский случай осложняло то, что Соломон II по условиям Элазнаурской конвенции сохранил за собой царский титул, а значит, и возможность пожалования во дворянство.

Ситуация изменилась в 1810 г., когда Имеретинское царство было ликвидировано российской администрацией, а его территория стала Имеретинской областью. Преобразование стало следствием неудачного восстания под руководством Соломона II, который рассчитывал с помощью Персии и наполеоновской Франции ликвидировать российский суверенитет на Южном Кавказе. Соломон II переоценил как свои силы, так и решимость своих союзников, в результате чего был вынужден бежать в Трапезунд, где и умер в 1815 г. Однако в 1804–1810 гг. он продолжал выдавать грамоты на дворянство и земельную собственность. В 1828 г. российский Сенат признал все эти грамоты недействительными. Сенаторы посчитали, что эти документы не могут иметь юридической силы, так как после заключения Элазнаурской конвенции имеретинский правитель уже не имел полного права владения [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 20].

Но просто лишить прав состояния имеретинских дворян было для имперской администрации невозможно. Многие представители имеретинской элиты служили офицерами в императорской армии и чиновниками в институтах управления. Кроме того, в прокламации к населению Имеретии от 20 февраля 1810 г. генерал Ф. Ф. Симанович именем императора Александра I обещал, что «имеретинское духовенство, князья, дворяне и народ останутся при всех своих правах, преимуществвах и владении своей собственностью» [АКАК, т. 4, с. 233].

В том же году в Имеретии провели присягу на верность российскому престолу, и эти присяжные листы позднее были признаны законным основанием для подтверждения сословных прав. Процедура же подтверждения княжеского и дворянского статуса для имеретинской элиты была такой же, как и в отношении картли-кахетинской знати: документальные подтверждения необходимо было представить в Грузинское дворянское депутатское собрание и ждать решения властей.

Бюрократическая процедура оказалась крайне затруднительной для грузинской знати. Государственная традиция Картли-Кахетии и Имеретии не знала специальных институтов (наподобие российской Герольдии), ведавших делами дворянского сословия, награждениями почетными титулами и выполнявших другие подобные функции. Производство в княжеское и дворянское достоинство на грузинских землях не было систематизировано и проводилось произвольно по царскому решению. Многие царские грамоты на княжество или дворянство погибли в огне бесконечных захватов и набегов, которые являлись трагической повседневностью грузинских земель в XVII–XVIII вв., и большей части многочисленного грузинского дворянства просто нечего было предоставить российским властям для подтверждения своих прав.

Такое положение привело к тому, что процесс подтверждения сословных прав грузинской знати затянулся, и это вызывало ропот и недовольство в адрес имперской администрации. В Тифлисе же возникли подпольные лаборатории по производству фальшивых документов на княжеское и дворянское достоинство. В 1830 г. региональная администрация создала особую следственную комиссию, которая проверила около 500 актов, из которых 25 оказались фальшивыми, а еще 51 грамота была признана «ничтожной», то есть не имеющей законной силы [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 52]. Эти результаты заставили российское правительство пересмотреть порядок подтверждения прав грузинской знати.

Главное управление Закавказским краем разработало проект нового порядка подтверждения прав, и в 1839 г. этот документ был передан на обсуждение и утверждение в Сенат. Согласно проекту, грузинская знать должна была представить доказательства благородного происхождения в Грузинское дворянское депутатское собрание, которое проверяло соответствие представленных документов формальным требованиям и затем передавало списки княжеских и дворянских фамилий с протоколами своих заседаний на утверждение в Совет Главного управления

Закавказским краем. После прохождения всех подробных проверок главноуправляющий краем передавал дворянские списки в Герольдию. Изменилась не только процедура подтверждения прав, но и требования к подтверждающим документам. Теперь упоминания фамилии в списке царя Ираклия II было недостаточно для признания княжеских прав, они должны были быть подкреплены соответствующими грамотами. В то же время упоминание в присяжном листе Соломона II считалось достаточным для присвоения княжеского достоинства. Дворяне, которые не упоминались в списках Ираклия II и Соломона II, обязывались для подтверждения прав получить письменные свидетельства князей и/или дворян своего уезда, уже прошедших процедуру «нобилитации» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 52. Л. 52].

Проект новых правил задержался в Сенате на пять лет. Очевидно, что дело было не только в медлительности российской бюрократии, но и в значении, которое придавалось подтверждению сословных прав правительством и императором Николаем I. Подтверждение сословных прав и состояния населения южной окраины империи считалось основной целью российской политики в регионе. Именно так это было сформулировано в «Наказе Главному управлению Закавказским краем» (1842 г.). Политическим контекстом появления «Наказа» являлся чувствительный лично для Николая I провал масштабной административной реформы П. В. Гана (1840 г.), после которого правительство и составило «Наказ» – своеобразную стратегическую программу по интеграции Кавказа. Полноценное «сближение края» с остальным государством понималось не как внешнее единство административных форм, а как «слияние коренных начал гражданской жизни сего края с монархическими началами империи» [Наказ, с. 9]. Одним из столпов империи являлись привилегии и права дворянства, поэтому в «Наказе» подчеркивалось значение интеграции населения Кавказа в общероссийскую социальную структуру. Главному управлению Закавказским краем поручалось «определить права и обязанности различных состояний, равно как взаимные отношения их, применяясь к гражданским состояниям империи, но без всякого противодействия вековым понятиям жителей» [Там же, с. 10].

Российское дворянство (как и другие дворянские корпорации европейских стран) не только обладало благосостоянием и высоким положением в обществе, но и управляло страной [Ливен, с. 23]. После введения Учреждения о губерниях 1775 г. дворянская корпорация стала частью государственного аппарата [Каменский, с. 121]. Дворяне контролировали местные институты самоуправления. К этому необходимо добавить и роль дворян-помещиков как «даровых полицмейстеров», по известным словам Николая I [Ляшенко, с. 11]. Принадлежность к дворянской корпорации в полиэтнической империи была неразрывно связана с производством надэтнического (наднационального) самосознания. Все это превращало процесс доказательства благородного происхождения из бюрократической рутины в важнейший политический и символический акт [Хёе, с. 152].

Первый кавказский наместник и создание специальных комиссий

Первый кавказский наместник М. С. Воронцов (годы наместничества – 1844–1853), призванный Николаем I преодолеть военно-политический кризис на южной окраине империи, прибыл в Тифлис в марте 1845 г. Сразу после приезда наместник получил несколько обращений грузинского дворянства с просьбами об утверждении прав на княжеское и дворянское достоинство. Отметим, что новый порядок подтверждения прав все еще не был введен в действие. В 1844 г. проект сенатского указа был отправлен главноуправляющему Грузии А. И. Нейгардту (1842–1844). Тот не решился брать на себя ответственность и поручил Грузинскому депутатскому собранию обсудить проектируемые нормы сенатского указа. К приезду Воронцова обсуждение все еще не закончилось. Наместник передал обсуждение сенатского указа из дворянского собрания в свой Совет Главного управления и в дальнейшем лично участвовал в возобновлении интеграции грузинской знати в правовое и социальное пространство империи. Воронцов считал, что грузинская элита являлась основной опорой империи на Кавказе [Рахаев, с. 112]. Кроме того, Воронцова связывали давние неформальные отношения с семейством Орбелиани – одной из самых влиятельных грузинских фамилий².

Совет Главного управления кавказского наместника признал порядок подтверждения сословных прав грузинской знати, описанный в сенатском указе, неудобным для исполнения и предложил другой план. По мнению чиновников региональной администрации, необходимо было создать две специальные комиссии по разбору соответствующих дел – в Тифлисе и Кутаисе. В первой рассматривались бы дела восточногрузинской знати, а во второй – имеретинского (западногрузинского) дворянства. В этом предложении угадывается последовавшее в 1846 г. разделение Грузино-Имеретинской губернии на Тифлисскую и Кутаисскую. Предполагалось, что в состав комиссий войдут представители «законной» грузинской знати от каждого из уездов и один чиновник, назначенный наместником.

Система доказательств благородного происхождения расширилась и стала вариативной. Как и ранее, в качестве доказательств принимались упоминания в списке Ираклия II и имеретинских присяжных листах 1810 г. Подтвердить княжество/дворянство заявителей могли члены комиссий. Претенденты, неизвестные членам комиссий, обязаны были представить документальные свидетельства. Теперь в расчет принимались не только грамоты на княжество/дворянство, но и грамоты на крестьян и имение, а также на присуждение возна-

² Фаворитом наместника был Макар Фомич Орбелиани, которому М. С. Воронцов покровительствовал, в том числе защитил его от крупного штрафа за служебную нерадивость [РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12. Л. 22].

граждания за кровную обиду. Последнее нуждается в дополнительном пояснении. Дело в том, что в 1703–1709 г. царь Картли Вахтанг VI кодифицировал грузинские законы, именно Сборник законов царя Вахтанга являлся основным источником правоприменительной практики грузинских земель в XVIII в. После вхождения грузинских царств и княжеств в пространство Российской империи Законы Вахтанга VI продолжали применяться в гражданском производстве. По Законам Вахтанга VI цена крови простолюдинов и знатных отличалась, таким образом, по объему материального вознаграждения за кровь можно было довольно точно установить социальный статус человека [Законы Вахтанга VI].

Как доказательство княжеских прав принимались акты о выдаче царских дочерей замуж за представителя соответствующей фамилии. Еще одной важной новацией нового порядка подтверждения сословных прав грузинского дворянства стало введение процедуры «местного дознания». В спорных ситуациях, связанных с дефицитом документальных свидетельств, искатель прав мог представить письма дворян и князей своего уезда с подтверждением законности его притязаний. Соответственно, комиссия могла отправить в этот уезд своих членов для проверки подлинности представленных свидетельств [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 4].

В октябре 1845 г. предложения Совета Главного управления кавказского наместника поступили на обсуждение в Кавказский комитет. Члены Кавказского комитета в целом поддержали идею создания двух специальных комиссий для разбора дел грузинской знати. Дебатировались только два локальных вопроса: состав комиссий и порядок утверждения результатов их работы. Министр внутренних дел Л. А. Перовский и исполняющий должность министра юстиции В. А. Шереметев сомневались в объективности грузинских дворян из состава комиссий. Главы МВД и Министерства юстиции опасались, что комиссии погрязнут в кумовстве и коррупции и предлагали увеличить число русских чиновников в их составе. Предлагалось направить в каждую комиссию по одному чиновнику от МВД и Министерства юстиции, которые бы следили за объективностью работы и в случае своего несогласия могли иметь право докладывать об этом главам своих ведомств [Там же. Л. 40–41].

С критикой этих предложений выступили министр государственных имуществ П. Д. Киселев и главноуправляющий Второго отделения императорской канцелярии Д. Н. Блудов, которые указали на то, что подобные доклады чиновников центральных ведомств противоречили принятым в январе 1846 г. «Правилам об отношениях кавказского наместника». В этом документе было указано: «Кавказскому наместнику поручается главный надзор за действиями всех вообще мест и лиц, находящихся в Закавказском крае и Кавказской области и подчиненных ему, к какому бы ведомству они ни принадлежали. Сии места и лица по всем вообще делам входят с представлениями

установленным порядком к одному только наместнику» [Правила об отношениях кавказского наместника, с. 6–7]. Блудов предложил назначить в комиссии дополнительно двух чиновников: одного – по выбору глав МВД и Министерства юстиции, и другого – по указанию наместника. В случае несогласия с решениями, принятыми большинством членов комиссий, чиновники центральных ведомств имели право приобщить к протоколу заседания свое особое мнение. Эти предложения были приняты Кавказским комитетом.

Вопрос о порядке утверждения дворянских списков, подготовленных комиссией, Кавказский комитет разрешить не смог. Киселев полагал, что наместник должен представить списки на высочайшее утверждение через Сенат. Перовский настаивал на более детальном рассмотрении итогов работы комиссий в Сенате, а затем и в Государственном совете. Окончательное определение порядка было отложено.

21 марта 1846 г. Кавказский комитет утвердил предложение Совета Главного управления кавказского наместника о создании двух специальных комиссий по разбору дел о дворянских правах, а 30 марта последовал императорский указ об их учреждении. Комиссии создавались как временные на два года с возможностью продления срока их работы на один дополнительный год [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 134].

Комиссии приступили к работе только год спустя: кутаисская открылась 2 марта 1847 г., тифлисская начала работу 6 мая 1847 г. Эта пауза потребовалась для определения состава комиссий, разработки инструкции наместника о порядке работы, решения вопросов материального обеспечения членов комиссий. Председателем кутаисской комиссии был назначен князь Туманов, занимавший должность губернского прокурора в чине надворного советника. Тифлисскую комиссию возглавил князь Г. Е. Эристов, генерал и сенатор Российской империи. Наместник отметил, что Эристов «пользуется общим доверием и уважением всего грузинского дворянства и известен своей опытностью и беспристрастностью» [Там же. Л. 248]. Оба председателя комиссий представляли имперскую элиту и вместе с тем являлись частью сообщества грузинской этнической элиты. Этими назначениями Воронцов подчеркивал свое доверие к грузинскому дворянству.

Для кутаисской комиссии потребовались дополнительные инструкции, так как ей предстояло, кроме дел имеретинской знати, рассмотреть и дела гурийского дворянства. Кроме того, определение прав имеретинского и гурийского дворянства оказалось сопряжено с разделом имений князей (тавадов) и дворян (азнауоров). Дело в том, что часть западногрузинского дворянства получила земельные наделы и крестьян не от царя, а от князей (тавадов) и находилась в зависимости от последних. Предполагалось, что раздел имущества и прав на крестьян должен был носить добровольный характер, но в случае конфликтов назначалась посредническая комиссия. Работа по разделу (или «разводу») князей (тавадов) и дворян (азнауоров) была прямо

связана с подтверждением сословных прав. Это усложняло и замедляло работу кутаисской комиссии.

Грузинские князья и дворяне, занятые в процедуре определения сословных прав своих соотечественников, получали жалование и квартирные деньги. Члены комиссий работали поочередно по три месяца, при этом одновременно в комиссиях должно было присутствовать не менее половины от общего числа заседателей [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858. Л. 206–208].

Тифлисская и кутаисская комиссии отчитывались перед наместником, а тот, в свою очередь, ежемесячно отправлял ведомости «об успехах комиссий» в Кавказский комитет. Общее число дел, поступивших на рассмотрение в комиссии, точно оценить затруднительно. Дела поступали на протяжении всего срока работы комиссий, многие из них рассматривались неоднократно. Кроме того, были случаи расширения сферы действия комиссий. Осенью 1847 г. общество осетинских дворян и старшин Нарского участка Осетинского округа подало кавказскому наместнику просьбу рассмотреть в Тифлисской комиссии их документы на дворянство, полученные от грузинских царей [Там же. Л. 369]. Минимальное количество дел, которое поступило на рассмотрение в каждую комиссию, можно определить следующими цифрами: не менее 700 дел о княжеском достоинстве и не менее 8 тыс. дел о дворянском достоинстве [Там же. Л. 352–460].

В июне 1849 г. комиссии были закрыты. Нерассмотренными остались несколько десятков дел о дворянских правах, при этом дела о княжеских правах были рассмотрены без остатка. Дворянские списки были разделены на пять категорий. В первую вошли княжеские и дворянские фамилии, права которых комиссии посчитали бесспорными. Вторую составили фамилии, признанные в комиссиях, но не единогласным решением. Третью и четвертую категории составили дела, рассмотрение которых планировалось продолжить в депутатских собраниях. Наконец, в пятую категорию вошли лица, которым было отказано в правах благородного сословия, по Тифлисской губернии таких насчитывалось 677, а по Кутаисской – 668 [АКАК, т. 10, с. 49].

Наместник опасался затягивания процесса утверждения списков, что было неизбежно в случае их рассмотрения в Сенате, поэтому предлагал передать их на рассмотрение в Кавказский комитет с участием чиновников, специально прикомандированных от Министерства юстиции и Сената. В письме председателю Кавказского комитета и военному министру А. И. Чернышеву от 11 мая 1850 г. Воронцов подчеркивал, что залогом объективной работы комиссии является значительное число отказов в признании дворянских прав [Там же, с. 50]. Наместник мог контролировать процесс проверки списков в Кавказском комитете благодаря неформальным связям с управляющим делами комитета В. П. Бутковым. Однако Николай I принял другое решение. Император повелел учредить специальную временную комиссию в Петербурге под руководством сенатора Г. П. Митусова.

Эта комиссия приступила к работе уже 1 августа 1850 г. и завершила рассмотрение дворянских списков в ноябре того же года.

6 декабря 1850 г. именные посемейные списки грузинских княжеских и дворянских родов были утверждены высочайшим рескриптом на имя кавказского наместника Воронцова. Утверждение списков открыло возможность выборов в местные дворянские депутатские собрания. Дворянство Кутаисской губернии (Западной Грузии) получило такое право впервые. Предводителем дворянства Кутаисской губернии был избран гурийский князь Леван Гуриели [АКАК, т. 10, с. 878]. Это событие имело огромное символическое значение. Дело в том, что Имеретия до вхождения в состав Российской империи являлась царством со столицей в Кутаиси, в то время как Гурия имела лишь статус княжества. Имеретинской элите было свойственно пренебрежительное отношение к гурийской знати как второстепенной, уступавшей в знатности. Избрание гурийца в предводители губернского дворянства показывало преодоление региональных этнических иерархий и фиксировало интеграцию грузинского дворянства в общеимперскую аристократическую корпорацию. Для империи не существовало гурийца или имеретина, но были дворяне как дети одного отца – российского императора.

* * *

Интеграция грузинского дворянства в российскую аристократическую корпорацию растянулось на полвека. История этого процесса показывает сложность и противоречивость интеграции элиты «феодалного» общества в бюрократическое государство. Грузинская аристократия привыкла выступать в роли источника и распорядителя закона и порядка, в то время как в Российской империи закон был отделен от дворянства, но вместе с тем выступал скрепляющим элементом этого этнически и конфессионально разнородного сословия. Именно законное подтверждение дворянских прав производило наднациональное самосознание имперской элиты, формировало общность интересов и ответственности. «Переходное» поколение грузинской элиты, которое родилось и выросло еще в грузинских царствах, но затем проживало в российских губерниях, с большим трудом адаптировалось к новым условиям. Ситуация взаимного непонимания провоцировала конфликты между грузинскими элитами и имперскими властями.

Вероятно, завершение процесса «нобилитации» грузинской элиты могло бы затянуться на еще более длительный срок, если бы не активность кавказского наместника Воронцова. Он выступил в роли покровителя грузинского дворянства и первого лоббиста его интересов на правительственном уровне. Необходимо отметить, что именно интеграция грузинской элиты в имперскую дворянскую корпорацию превратила грузин в главный ресурс стабильности имперского суве-

ренитета на Кавказе. Эта социальная интеграция была существенно важнее конфессиональной близости.

Воронцов успешно справился с функцией протектора грузинского дворянства как региональной элиты, но все же нельзя недооценивать значение смены поколений. Если Нино Георгиевна Багратион-Дадияни оказалась чужой для имперской аристократии, о чем так красноречиво написал А. де Кюстин, то ее младший сын Георгий Григорьевич, выпускник Пажеского корпуса, генерал, рязанский помещик и супруг графини Елизаветы Павловны фон дер Пален, уже не испытывал подобных проблем.

Библиографические ссылки

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : [в 12 т.]. Тифлис : Тип. Гл. упр-я наместника кавказского, 1866–1904. Т. 4, 10.

Волхонский М. Политика правительства Александра Третьего по поддержке грузинского дворянства: долги и поместья // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 903–918. DOI 10.15826/qr.2022.3.708.

Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб. : Звезда, 2000. 466 с.

Давидян Г. М. Формирование сословий в Грузии в XIX в. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право*. 2009. № 4. С. 41–56.

Дубровин Н. Ф. Закавказье от 1803–1806 гг. СПб. : Тип. Деп. уделов, 1866. 570 с. Законы Вахтанга VI. Тбилиси : Мецниереба, 1980. 335 с.

Из истории российско-грузинских отношений: к 230-летию заключения Георгиевского трактата : сб. док. / отв. ред. А. Н. Артизов. М. : Древлехранилище, 2014. 768 с.

Каменский А. Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // *Российская империя в сравнительной перспективе* : сб. ст. / под ред. А. И. Миллера. М. : Новое изд-во, 2004. С. 115–139.

Кюстин А. Россия в 1839 г. : в 2 т. М. : Изд-во Сабашниковых, 1996. Т. 1. 532 с.

Ливен Д. Аристократия в Европе, 1815–1914. СПб. : Акад. проект, 2000. 364 с.

Ляшенко Л. Александр II, или История трех одиночеств. М. : Молодая гвардия, 2002. 356 с.

Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб. : Воен. тип., 1842. 52 с.

Пайчадзе Г. Г. Георгиевский трактат. Тбилиси : Мецниереба, 1983. 247 с.

Под стягом России : сб. архив. док. М. : Рус. кн., 1992. 431 с.

Правила об отношениях кавказского наместника. СПб. : Воен. тип., 1846. 12 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 26, 32.

Рахаев Дж. Я. Этнические элиты Закавказья в имперской политике России // *Этнические элиты в национальной политике России* / отв. ред. В. В. Трепавлов. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. С. 100–140.

РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 12; Ф. 1268. Оп. 1. Д. 858; Ф. 1284. Оп. 7. Отд. II. Ст. 2. Д. 4, 11, 16.

Хёе Х. П. Элиты и имперские элиты в Габсбургской империи, 1845–1914 // *Российская империя в сравнительной перспективе* : сб. ст. / под ред. А. И. Миллера. М. : Новое изд-во, 2004. С. 150–176.

Jones S. Russian Imperial Administration and the Georgian Nobility: The Georgian Conspiracy of 1832 // *The Slavonic and East Europ. Rev.* 1987. Vol. 65, № 1. P. 53–76.

References

АКАК – Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei v 12 t. [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. 12 Vols.]. (1866–1904). Tiflis, Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. Vol. 4, 10.

Artizov, A. N. (Ed.). (2014). *Iz istorii rossiisko-gruzinskikh otnoshenii: k 230-letiyu zaklyucheniya Georgievskogo traktata. Sbornik dokumentov* [From the History of Russian-Georgian Relations: For the 230th Anniversary of the Treaty of Georgievsk]. Moscow, Drevlekhranilishche. 768 p.

Custine, A. (1996). *Rossiya v 1839 g. v 2 t.* [Russia in 1839. 2 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Sabashnikovykh. Vol. 1. 532 p.

Davidyan, G. M. (2009). Formirovanie soslovii v Gruzii v XIX v. [Formation of Classes in Georgia in the 19th Century]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. No. 4, pp. 41–56.

Dubrovin, N. F. (1866). *Zakavkaz'e ot 1803–1806 gg.* [Transcaucasia from 1803–1806]. St Petersburg, Tipografiya Departamenta udelov. 570 p.

Gordin, Ya. A. (2000). *Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoi voine XIX veka* [Caucasus: Land and Blood. Russia in the Caucasian War of the 19th Century]. St Petersburg, Zvezda. 466 p.

Hjoe, H. P. (2004). Elity i imperskie elity v Gabsburgskoi imperii, 1845–1914 [Elites and Imperial Elites in the Habsburg Empire, 1845–1914]. In Miller, A. I. (Ed.). *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive. Sbornik statei*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 150–176.

Jones, S. (1987). Russian Imperial Administration and the Georgian Nobility: The Georgian Conspiracy of 1832. In *The Slavonic and East Europ. Rev.* Vol. 65. No. 1, pp. 53–76.

Kamensky, A. B. (2004). Elity Rossiiskoi imperii i mekhanizmy administrativnogo upravleniya [Elites of the Russian Empire and Mechanisms of Administrative Control]. In Miller, A. I. (Ed.). *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive. Sbornik statei*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 115–139.

Liven, D. (2000). *Aristokratiya v Evrope, 1815–1914* [Aristocracy in Europe, 1815–1914]. St Petersburg, Akademicheskii proekt. 364 p.

Lyashenko, L. (2002). *Aleksandr II, ili Istoriya trekh odinochestv* [Alexander II, or the Story of Three Solitudes]. Moscow, Molodaya gvardiya. 356 p.

Nakaz Glavnomu upravleniyu Zakavkazskim kraem [Order to the Main Administration of the Transcaucasian Territory]. (1842). St Petersburg, Voennaya tipografiya. 52 p.

Paichadze, G. G. (1983). *Georgievskii traktat* [Treaty of Georgievsk]. Tbilisi, Metsniereba. 247 p.

Pod styagom Rossii. Sbornik arkhivnykh dokumentov [Under the Banner of Russia]. (1992). Moscow, Russkaya kniga. 431 p.

Pravila ob otnosheniyakh kavkazskogo namestnika [Rules on the Relations of the Caucasian Governor]. (1846). St Petersburg, Voennaya tipografiya. 12 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 26, 32.

Rakhaev, J. Ya. (2017). Etnicheskie elity Zakavkaz'ya v imperskoi politike Rossii [Ethnic Elites of Transcaucasia in the Imperial Politics of Russia]. In Trepavlov, V. V. (Ed.). *Etnicheskie elity v natsional'noi politike Rossii*. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, pp. 100–140.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1250. List 2. Dos. 12; Stock 1268. List 1. Dos. 858; Stock 1284. List 7. Dpt. II. St. 2. Dos. 4, 11, 16.

Volkhonsky, M. A. (2022). Politika pravitel'stva Aleksandra Tret'ego po podderzhke gruzinskogo dvoryanstva: dolgi i pomest'ya [The Policy of the Government of Alexander III to Support the Georgian Nobility: Debts and Estates]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 3, pp. 903–918. DOI 10.15826/qr.2022.3.708.

Zakony Vahtanga VI [Laws of Vakhtang VI]. (1980). Tbilisi, Metsniereba. 335 p.

The article was submitted on 11.10.2023